

Юн Ци сильно смутился и, опустив голову, проговорил:

— Снова несёшь вздор!

Он был так взволнован, что совершенно позабыл о страхе, который бесследно улетучился. Наблюдая за тем, как Юн Шань убирает в сторону раскрытый свиток, Юн Ци не выдержал и спросил:

— Можно мне увидаться с матушкой? Ты мне вчера обещал.

Умоляющим взглядом юноша осторожно посмотрел на младшего брата.

Юн Ци видел, как на лице нового наследного принца появилось обычное, но вместе с тем смешанное выражение.

Юн Шань медлил, а в глазах Юн Ци всё больше читалась надежда. Однако из-за молчания первого уверенность юноши пошатнулась, а мысль о том, что нужно умолять, терзала всё сильнее. Поняв, что хватит издевательств, Юн Шань с улыбкой произнёс:

— Я — наследный принц, и мои слова имеют большой вес.

Взгляд Юн Ци тотчас же изменился, тревога исчезла, а радость заполнила его до краёв.

— Правда можно?

— Угу. — И с лёгкой улыбкой добавил: — Иди. Только на улице сильный ветер, старший брат, будь осторожен.

До слёз растроганный Юн Ци поспешно переоделся и уже было собрался выйти.

Юн Шань написал записку, где приказывал пропустить Юн Ци, и отдал её слугам, чтобы те предъявили её охране. Наследный принц видел, что старшему брату не терпится поскорее покинуть дворец, однако он позвал его, останавливая, ещё раз смерил взглядом и разгладил на нём одежду. Посчитав, что тот плохо оделся, Юн Шань вновь отошёл, взял толстую накидку и без раздумья проговорил:

— Слишком легко одет, нужно что-то потеплее. Эй, кто-нибудь, подайте тёплый меховой воротник.

Нормально одетый Юн Ци, которому совершенно не было холодно, а даже наоборот — немного жарко, хотел тактично отказать Юн Шаню, но слуги уже выполнили приказ и принесли Его

Высочеству тёплый воротник.

Юн Ци был очень добрым. Хорошенько всё обдумав, юноша решил, что не стоит препятствовать младшему брату, и принял его заботу, молча переодевшись в накидку.

Тепло укутав Юн Ци, Юн Шань помахал рукой, говоря:

— Теперь можешь идти.

Увидев брата таким дружелюбным, Юн Ци заглянул в его глаза, которые сильно изменились, став совсем не такими, как обычно. Округлённые и ласковые глаза внезапно поглядели на юношу. Юн Шань и Юн Ци с минуту смотрели друг на друга, словно не в силах расстаться даже на мгновение. Вскоре старший из братьев обернулся и направился к двери.

Как только Юн Ци вышел из тёплой опочивальни, в его лицо подул морозный воздух, который сразу окутал юношу с ног до головы.

Юн Ци словно резко упал с горячей печки в холодную прорубь. Оказавшись снаружи, юноша тотчас замёрз и начал дрожать, а тёплое дыхание, сорвавшееся с губ, превратилось в облако пара.

Сейчас Юн Ци понимал, что на улице действительно холоднее, чем в комнате. К счастью, Юн Шань всё хорошенько продумал и заставил его одеться теплее, иначе юноша действительно мог замёрзнуть и простудиться.

Чан Дэфу быстрым шагом подошёл к Юн Ци и с улыбкой поприветствовал его:

— Его Высочество наследный принц приказал Вашему слуге сопроводить Ваше Высочество Юн Ци. Закрытый паланкин уже готов и ожидает за дверью. Ах-ах, какой же день морозный, боюсь, снова будет снегопад.

Юн Ци поднял взгляд на небо. Хмурые тучи нависли над землёй, готовые в любое время изменить погоду к худшему.

Юноша так волновался и торопился увидеть матушку Ли, что совершенно не обращал внимания на погоду. Закутавшись в тёплую накидку, Юн Ци сразу же отправился к двери. Покинув дворец наследного принца, он уселся в закрытый паланкин и весь путь смотрел, как дворцовые покои сменяются садом.

Спустя небольшой промежуток времени огромные и разнообразные дворцовые покои, в которых вырос Юн Ци, уже казались чужими. Хоть вид и не сильно изменился, только вот того, что было, не осталось [1].

Сейчас он ехал на встречу с матушкой не по привычной ему дороге, а уже совершенно другим неизвестным путём.

Сидя в паланкине, Юн Ци смотрел, как слуги несут его по незнакомой дороге, которая была крайне извилистой, и чем дальше они продвигались, тем больше она становилась неровной. Снаружи паланкина больше не было личного слуги, лишь Чан Дэфу, который, потирая и согревая дыханием руки, следовал за ним слегка пригнувшись.

Как только с губ Юн Ци сорвался вздох, закрытый паланкин уже остановился у ворот уединённого и пугающего людей дворца. Прежнее место охраны пустовало, багряно-красная краска, в которую была выкрашена дверь, за долгие годы потрескалась, куски с восточной и западной стороны сползли и отвалились. Вдоль стен дворца растянулся засохший бурьян, что говорило о запустении и безжизненности.

За дверью были лишь несколько вооружённых и полных злобы дворцовых охранников, которые напоминали, что внутри всё ещё теплится жизнь.

Именно это место и было Холодным дворцом.

Лишь окинув его взглядом, Юн Ци готов был залиться горькими слезами. Раньше наложница Ли была окружена богатством и почестями, ей подносили дорогие красные рубины, богатую одежду и изысканную пищу, и каждый заискивал перед ней, рассыпаясь в лести. А сейчас она была заключена здесь.

Чан Дэфу, увидев опечаленное лицо Юн Ци, не осмелился болтать по пустякам. Мужчина сделал шаг вперёд, направился к главному охраннику и поприветствовал его. Руководствуясь строгим приказом, слуга достал записку от нынешнего наследного принца, где тот приказывал пропустить Юн Ци, и протянул её охраннику.

Договорившись, слуга подошёл к вышедшему из паланкина Юн Ци и проговорил:

— Всё улажено. Ваше Высочество Юн Ци хочет войти туда прямо сейчас?

Юн Ци боялся, что если он откроет рот, то его рыдания сразу же вырвутся наружу. Поэтому юноша слегка кивнул и направился в Холодный дворец, который он видел впервые.

Во дворце было множество правил: наложницу Ли заточили здесь как наложницу императора, а Чан Дэфу занимал незначительное положение придворного слуги, поэтому ему запрещено было даже входить сюда. Когда он последовал за Юн Ци в Холодный дворец, охрана, что стояла перед дверью, сразу же перегородила ему путь, и слуге ничего не оставалось, как ждать снаружи.

Система в Холодном дворце была такой же, как и во дворце императора: охрана была поделена

на несколько постов — один пост, второй пост. Каждый стоял на своём месте, и их нельзя было никак спутать.

Войдя в двери Холодного дворца, нужно было пройти ещё один пост охраны.

Пробежав глазами приказ, написанный наследным принцем, охранник не стал чинить препятствий, лишь попросил Юн Ци отметить галочкой его имя в толстой тетради и пояснил:

— Здесь очень опасно, поэтому каждый прибывающий или покидающий это место должен оставить свою подпись. Во дворце очень строгие правила, и я не имею права сопровождать Вас, поэтому, Ваше Высочество, прошу Вас, проходите внутрь. — И охранник жестом указал Юн Ци пройти влево.

Юноша в одиночку направился туда, куда указал охранник, и оказался в самой дальней внешней галерее, которая своей структурой и формой была почти такой же, как и во дворце императора, только здесь всё выглядело слишком запущено и уныло.

Чем больше он углублялся в левое крыло, тем безлюднее становилось. Казалось, будто юноша попал в мир мёртвых, где царили призраки, навевающие мрачность и страх.

Выцветшие старые резные балки и расписные стропила наводили неподдельный ужас.

Юн Ци один уже долгое время бродил по большому заброшенному и тоскливому дворцу. Юноша прошёлся по главному залу, где не было ни одной живой души, всё чаще задаваясь вопросом: где же всё-таки находится его матушка. Посмотрев на нагромождённый и ветхий карниз крыши, Юн Ци в душе сильно опечалился. На какое-то время он застыл в нерешительности, но потом снова отправился на поиски наложницы Ли. Вскоре уже было собираясь уйти, юноша уголком глаза заметил какое-то движение, обернулся и направился к тому, что двигалось.

Вблизи за неприметной боковой дверью, согнувшись над печкой, сидела женщина, одетая в буцюнь [2]. Вырвавшийся из отверстия клуб дыма заставил её зайтись кашлем.

Юн Ци тихо подошёл, наклонил набок голову и внимательно всматривался, затем шёпотом позвал:

— Цин И?

Силуэт застыл. Внезапно женщина подскочила на ноги и обернулась. Она застыла на долгое время, после, словно уточняя, поговорила:

— Ваше Высочество здесь, — её голос звучал тихо и плавно, не скрывая потрясения. Слова были произнесены. В воздухе повисло напряжение, будто кто-то натянул тетиву, но

раздающиеся звуки, похожие на всхлипы, понемногу успокаивали.

Цин И была самой преданной служанкой наложницы Ли. Как только последняя появилась во дворце, первой, кто о ней позаботился, стала Цин И. Она приобрела благосклонность наложницы императора, присматривала за женщиной, когда та забеременела, а после дала жизнь Юн Ци, когда наложница Ли почти стала императрицей Поднебесной и когда потеряла этот титул. На протяжении двадцати лет Цин И верой и правдой служила своей госпоже, ни на один день не покидая её.

Выросший под её присмотром Юн Ци хорошо знал служанку и не мог ни с кем перепутать. Двое людей, встретившись, не знали, что и сказать друг другу. Сейчас, вспоминая, что произошло год назад, им оставалось только всхлипывать и горевать. Печальные мысли в одно мгновение заполнили собою разум.

Цин И обомлела всего лишь на мгновение, но потом пришла в себя и со вздохом прошептала:

— Ваше Высочество пришёл сюда, чтобы повидаться с госпожой Ли?

Юн Ци печально кивнул и спросил:

— С матушкой всё хорошо?

Цин И грустно улыбнулась:

— С такой бедой... Как тут может быть хорошо? Но в теле госпожи пока ещё теплится жизнь. — С любовью посмотрев на Юн Ци, служанка внезапно понизила тон и со вздохом произнесла: — В последнюю нашу встречу Ваше Высочество ещё носил титул наследного принца... Увы.

В тот день, когда Юн Ци свергли с престола, Огненный император Янь-ди действовал бесстрастно и издал несколько указов: отнять титул у Юн Ци, наказать наложницу Ли и подавить семью Сунь. Все три указа были приняты к немедленному и неуклонному исполнению.

Ладонь императора была очень тяжёлой, сила одного её движения превышала тысячу цзюней [2].

Даже не дав увидеть друг друга, мать разлучили с сыном — одну отправили в Холодный дворец, а второго — заточили в пожалованных землях Наньлинь. Без какой-либо возможности увидеться, мать и сын стали переписываться, интересуясь благополучием друг друга, чем навлекли беду, приведшую Юн Ци во Дворец Наказаний.

Вспомнив беспощадность императора Янь-ди, Юн Ци невольно испугался.

Не желая быть многословным, юноша со вздохом спросил:

— А где матушка? Я бы хотел узнать, как она.

— Ваше Высочество, прошу, следуйте за мной.

Цин И провела Юн Ци в крытую комнату, что находилась неподалёку, встала за дверью и указала внутрь комнаты:

— Госпожа там. Ваше Высочество, прошу, пройдите туда сами, — сказав это, служанка вернулась к печке и продолжила возиться с ней.

Юн Ци перешагнул порог комнаты. Он был взволнован и немного трусил: чем ближе был момент их встречи, тем больше в его душе появлялось необоснованного страха. Юноша боялся увидеть нечто невыносимо страшное.

Крытую комнату можно было назвать большой, внутри было мрачно. Несмотря на то, что окно было оклеено бумагой, на нём все равно висело толстое покрывало. Даже днём лучи солнца навряд ли могли проникнуть сюда.

Осторожно ступая, Юн Ци внимательно осматривал помещение. Войдя в тёмную и мрачную комнату, юноша совершенно ничего не видел, так как глаза ещё не успели привыкнуть. Постояв какое-то время на месте и привыкнув к темноте, Юн Ци краем глаза неожиданно зацепился за одинокую и тонкую фигуру, сидящую на мягком стуле, который стоял справа.

Строгие черты лица — да это действительно была его матушка!

— Матушка! — громко вскрикнул Юн Ци и рухнул на колени.

Он являлся бывшим наследником престола, титулованным и брошенным во Дворец Наказаний. Разлучившись с матушкой, ему пришлось пройти сквозь бурю невзгод. Он давно мечтал об их встрече. Сейчас, чувствуя себя не таким ненужным, как раньше, Юн Ци дал волю чувствам, заплакав, словно маленький ребёнок.

Но, увидев Холодный дворец, который больше напоминал живую могилу, а затем свою некогда статную и достопочтенную матушку, которая среди зимы была облачена лишь в один полустарый толстый халат и сидела в мрачной крытой комнате совсем одна, Юн Ци почувствовал, как грусть переполняет его. Как выдержать это всё?

— Матушка... Ваш сын пришёл увидеться с Вами... — Юн Ци стоял на коленях, крепко обнимая ноги наложницы Ли, и слёзы текли у него из глаз. Прерывисто всхлипывая, юноша проговорил: — Ваш бесполезный сын позволил Вам страдать... Матушка...

Он не осмелился плакать в голос, лишь тихо всхлипывал, отчего его лёгкие и горло нестерпимо болели. Чем больше он всхлипывал, тем сильнее сгибалась его спина, а сам юноша всё чаще содрогался, не в силах унять эту дрожь.

Рука вытянулась, коснулась волос и мягко погладила Юн Ци по голове, а ласковый голос прозвучал:

— Дурачок, это ведь Холодный дворец, и здесь тихо, как нигде больше. Не сдерживайся, плачь в голос.

— Матушка! — Юн Ци поднял голову.

Глядя полными слёз глазами на по-прежнему очаровательную наложницу Ли, Юн Ци заметил две слезинки, которые тихо сорвались с ресниц и обожгли кожу, оставляя лишь мокрый след на лице матушки.

Юн Ци впервые видел, как его гордая и сильная матушка плачет. Это ещё больше ранило его душу. Коснувшись краем рукава, юноша поспешно помог вытереть слёзы с лица наложницы Ли и с тоской проговорил:

— Ваш сын плохой, пришёл сюда, причиняя матушке страдания.

Наложница Ли помогла сыну подняться на ноги, позволила сесть с ней рядом и с натянутой улыбкой проговорила:

— Мы с большим трудом увиделись, так почему же ты плачешь? Я не думала, что доживу до этого дня.

После того, как всё во дворце изменилось, это была первая встреча матери и сына. Оказалось, что в этом абсолютно безжизненном дворце намного холоднее, чем снаружи.

Это был словно какой-то кошмар, который не хотел покидать разум даже после пробуждения.

Юн Ци и наложница Ли какое-то время хранили молчание. Закончив вытирать слёзы, они только тогда решились прервать нависшую тишину.

Похоже, никто не хотел будоражить прошлые раны. Наложница Ли, как мать, слово за слово лишь поинтересовалась у Юн Ци, что с ним произошло после того, как император отнял у него титул наследника престола. Юноша рассказал, что отец-император издал указ, в котором повелевал Юн Ци сначала найти принцессу в землях Наньлинь, после чего жениться на ней. Женщина молчала, слушая сына, но потом вздохнула и тихо проговорила:

— Значит, у меня теперь есть невестка, и я даже не знаю, когда мы с ней встретимся.

Примечания:

[1] В оригинале фраза означает, что вещи остались прежними, а люди — нет; выражает тоску по минувшим дням, старым друзьям или умершим. Эта фраза впервые появилась в Сунской эпохе (X—XIII вв.) в стихотворении поэтессы Ли Цинчжао (1084-1151) «Весна в Улине».

[2] Сшитое из грубой ткани платье, которое подчеркивала простоту женского наряда.

[3] Мера веса, равная 30 цзиням, около 18 кг.

<http://bllate.org/book/13372/1189580>